

Качество: справедливость

ВЕЛИКИЙ

Елена Дубровская

Худая девчонка лет тринадцати с пронзительными серыми глазами стояла около прилавка с печеньем и шоколадом и, напевая какую-то народную песенку, вдруг тихонечко сжала в кулачок леденец и спокойно засунула его к себе в карман. Но в этот самый момент прямо около своего уха она услышала чудесный глубокий женский голос, который подстроился в терцию и стал петь вместе с ней. Серые глаза стали ещё более серыми, спина напряглась. Не переставая петь, маленькая нарушительница закона стала медленно поворачиваться к источнику чудесного голоса. И вот они пели вместе, глядя друг другу в глаза: тоненькая девочка с дерзким взглядом и не молодая, но ещё красивая женщина в вязаной шали и больших очках. Образовалась неловкая пауза, которую нарушила женщина:

– Вы позволите, я оплачу Вам леденец?

– Нет, не надо. Я их не люблю, – прозвучал уверенный ответ, вместе с которым из кармана на прилавок вернулась конфета.

– Вы простите, что я незаметно подошла, но Вы так прекрасно пели... И откуда Вы только знаете эту песню?

– Мне её в детстве бабушка пела. С утра привязалась, теперь хожу и пою целый день.

– Меня зовут Вера Дмитриевна. Я преподаю музыку и вокал, – вытащив из сумки блокнот и ручку, она быстрыми движениями написала адрес и протянула его девочке, – вот, возьмите. Если захотите учиться вокалу, то обязательно приходите. Приходите с родителями, у Вас большие способности, но Вы, наверное, это и без меня знаете.

Вера Дмитриевна улыбнулась – правда, это получилось у неё довольно грустно – и пошла к выходу. На улице её догнал уже знакомый голос:

– А сколько стоит у Вас учиться?

Вера Дмитриевна уже хотела ответить, но её перебили подбежавшие к её новой знакомой мальчишка и полненькая кудрявая девчушка. Они были примерно такого же возраста, и их охватывало одновременно возмущение и радость.

– Скала! Ты чего так долго!?! Мы тебя уже полчаса за магазином ждём, – ребята совершенно не замечали Веру Дмитриевну, а она с нескрываемым интересом наблюдала эту встречу. На лице Скалы появилась притворная улыбка:

– Вас не учили, что в разговор встречать невежливо?

Она повернулась к Вере Дмитриевне и манерно произнесла:

– Прошу знакомиться: Екатерина Куркина и Антон Буров, мои друзья и одноклассники.

– Очень приятно, Вера Дмитриевна.

– На этом увлекательная беседа подошла к концу, и все разошлись по домам. Я сейчас занята, завтра в школе поговорим, – обратилась девочка к одноклассникам.

Что-что, а решать вопросы Скала умела, недаром это прозвище к ней приклеилось ещё в третьем классе, когда она взяла на себя вину за массовый уход с физкультуры, а потом весь класс заставила отжиматься и подтягиваться на детской площадке.

Так и сейчас она быстро спровадила своих друзей, что-то шепнув им напоследок, а затем как ни в чем не бывало повернулась к Вере Дмитриевне и продолжила разговор:

– Так сколько вы берете за свои уроки?

– С Вас я не буду брать денег, – Вера Дмитриевна поправила очки и посильнее затянула свою вязаную шаль, – я совершенно уверена, что талантам нужно помогать. Так было всегда, и так должно быть сейчас. А почему Скала? Дерзкая и непреступная?

– С третьего класса Скала. Мне моё имя не нравится. Родители назвали непонятно как, а теперь живи с ним и мучайся.

– А какое у Вас имя?

– Калина. Меня зовут Калина.

– Калина – редкое имя и прекрасное, с древнегреческого переводится как добрый победитель. Представляете, какое удивительное и правильное сочетание слов, Доброта и Победа?

Вот так и началась эта дружба Веры Дмитриевны и Калины. Калина уговорила маму отдать её заниматься вокалом. Два раза в неделю она ходила на занятия, после них, пока занимались другие ученики, Калина садилась за школьные уроки. По вечерам она помогала разбирать книги и перепутанные ноты после нашествия младшей группы хора. Калина с нескрываемым восхищением слушала эту интеллигентную, образованную женщину, а Вера

Дмитриевна тоже училась. Училась слышать и понимать ребёнка, когда ему тринадцать. Каждый раз, когда они вместе шли домой, Вера Дмитриевна много рассказывала о городе, о его величии и свободе, иногда к ним подстраивались Катя с Антоном, и тогда уже они рассказывали Вере Дмитриевне о современной музыке, фильмах, своих проблемах и мечтаниях.

Однажды Вера Дмитриевна с Калиной остановились у памятника «Тысячелетие России».

– Я часто сюда прихожу, здесь легко думается. Хочешь, я покажу тебе, где здесь Александр Невский?

Найдя фигуру Александра Невского, Вера Дмитриевна в который раз поправила очки и затянула шаль – она всегда так делала, когда хотела сказать что-то очень важное и для неё значительное.

– Мы живём в великом городе, где правил великий человек. Честный и справедливый.

– А как переводится Александр? Вы же все переводы имён знаете?

– Защитник людей. Он и был таким. Вот я думаю, достойны ли мы? Не обмелъчали дела наши? – Вера Дмитриевна стала задумчивой, а у Калины от возмущения даже язык стал заплетаться.

– Не обмелъчали?! Это вы что ли обмелъчали? Я же вижу, что вам иногда есть нечего, на всём экономите, ходите в одном и том же, а сами набрали себе кучу бесплатников. Между прочим, некоторые из них не из бедных, могли бы за себя и заплатить. Вы бы и у меня деньги не взяли, хорошо мама настояла.

Вера Дмитриевна сжалась ещё больше и пошла по направлению к дому. Калина никак не могла успокоиться и почти кричала вслед уходящей Вере Дмитриевне:

– А..., простите, я забыла! Это же недостойно благородному человеку думать о таких приземлённых бытовых вещах, как покушать.

На следующий день Калину стала жутко мучить совесть, и она решила сразу после уроков пойти к Вере Дмитриевне и попросить прощения за свою вчерашнюю несдержанность. Она сэкономила на обеде и купила два примирительных пирожных. В руках она держала коробку из кондитерской, а ногой уже открывала дверь в кабинет, когда увидела Веру Дмитриевну, которая смущенно давала две тысячи ухоженной блондинке. Рядом стоял Вадик

из восьмого класса их школы. Как только они увидели Калину, блондинка сунула деньги в сумку и, кивнув Вадику на выход, произнесла приторно-нежным голоском:

– Вера Дмитриевна, мы, конечно, будем очень стараться не пропускать занятия, но Вы же знаете моё отношение – музыкой сыт не будешь. До свидания.

Они вышли, а Вера Дмитриевна устало опустилась на стул. Калина опустилась рядом, так и держа в руке эту коробку с пирожными. Вера Дмитриевна говорила тихо и как-то виновато.

– Вадик очень талантливый. Я его готовлю на международный конкурс Рахманинова. Понимаешь, сюда, на этот конкурс, со всего мира приезжают. Нельзя, чтобы из такого города, как наш, никого не было достойного. А Вадик очень талантливый, просто его мама не считает музыку важным занятием.

– И что бы на это сказал ваш любимый Александр Невский? Где справедливость?! Вы им платите, чтобы сделать из их сына талантливого музыканта?!

– Вот, посмотри, – Вера Дмитриева показала на старинную фотографию, висевшую на стене. На ней в группе мальчишек такого же возраста, как Калина, сидел пожилой человек. – Это профессор консерватории Зверев. А это его ученики: вот Рахманинов, Скрябин. Они жили у него, он их обучал, одевал и кормил, а Сергею Рахманинову он платил стипендию из своих денег. Благодаря ему они окрепли как музыканты, а мир в будущем получил великих композиторов. Кто знает, насколько в этом помогла стипендия... Так что это справедливо!

Ребята стояли у памятника «Тысячелетие России». Воинственно настроенная Калина, развернув Катю к памятнику, показывала рукой на Александра Невского:

– Вот это кто? Вон, видишь, человек прижал свой меч к груди. Кто это?

Катя недоуменно смотрела на Калину и не понимала, что та от неё хочет:

– Скала, ты чего?!

– «Ты чего, Скала» – это значит, что ты знаешь, кто это, или не знаешь?

– Да какая разница, кто это! – Катя вырвалась из цепких рук Скалы и схватилась за Антона, – пойдём отсюда, у неё с головой совсем плохо стало!

Антон очень спокойно убрал Катину руку и повернулся к Скале:

– Рассказывай, что случилось?

– Понимаешь, нам на всё «какая разница» ... Дело есть только до себя. И рассуждаем мы так узенько и мелко. Хочу мало учиться и побольше зарабатывать, побольше подписчиков, чтобы быть знаменитым и опять на этом зарабатывать, а всё остальное – «какая разница». По отношению к прекрасному человеку творится несправедливость, а нам «какая разница» ...

Катя смотрела на свою подружку, и было видно, что в её маленьком сердце начинало шевелиться что-то очень большое.

– Какая несправедливость? С кем?!

– С Верой Дмитриевной. Всё равно мы ничего не сможем сделать.

Антон взял девчонок под руки и очень по-мужски их повел:

– Всё мы сможем сделать. Только надо успокоиться и всё подробно рассказать.

Светлана Владимировна, классная руководительница 7 «Б» класса, где учатся наши друзья, вот уже несколько минут пыталась пробраться к двери класса, облепленной семиклассниками и восьмиклассниками.

– Что здесь происходит? Пропустите!

На двери она увидела прикрепленный скотчем тетрадный лист, на котором чёрным маркером было написано: «Не входить! Новгородское вече!» Светлана Владимировна открыла дверь и увидела человек десять из седьмого и восьмого классов, включая Калину, Антона и Катю. А около двери понуро стоял Вадик Рыбин, и по всему было видно, что ему требовалась срочная помощь. Светлана Владимировна, как опытный педагог, сразу приняла правила игры:

– Насколько я знаю, на Новгородское вече лица женского пола не допускались.

Калина была совершенно спокойна и уверена:

– Мы внесли изменения.

Светлана Владимировна подошла к ней и села рядом.

– Тогда мое присутствие допустимо. Посвятите меня в подробности дела.

Через десять минут она уже прояснила для себя всю ситуацию и обратилась к несчастному Вадику:

– Вадим, а ты сам-то хочешь быть музыкантом? Мало быть талантливым, надо иметь большое желание, чтобы стать великим пианистом. Кто бы тут что не решал – в этом главный вопрос.

Голова Вадима ещё больше поникла:

– Хочу, но мама сказала, что я буду поступать на экономический, и это не обсуждается.

Светлана Владимировна не сводила с Вадика глаз:

– А возразить своей маме ты не можешь?

– Нет, она только с виду такая деловая. У неё сердце больное, ей волноваться совсем нельзя.

– Так... хорошо, – Светлана Владимировна сделала небольшую паузу, – а что для твоей мамы важно? Что позволит ей переменить своё мнение?

И тут Вадик впервые поднял голову, немного расслабился и начал рассказывать.

Через две недели вся школа гудела. В актовом зале проходил невероятный концерт, приехало много гостей и журналистов. Внизу в вестибюле висела афиша, на которой Вадик был изображён за роялем, а внизу красовалась подпись: «Новые имена Великого Новгорода».

Вадик на сцене играл на рояле 20-й ноктюрн Шопена. Зал замер, ребята сидели не шелохнувшись, – то ли понимали значимость мероприятия, то ли прониклись ноктюрном Шопена в исполнении Вадика. Когда была сыграна последняя нота, несколько секунд стояла полная тишина, а потом раздался гром аплодисментов. На сцену вышла Светлана Владимировна и торжественно произнесла речь:

– Наша школа гордится, что у нас есть такой ученик, который будет достойно представлять Великий Новгород на Международном конкурсе имени Сергея Рахманинова. Школа хочет выразить благодарность родителям Вадима Рыбина за прекрасное воспитание сына и поддержку его таланта, – в это время появилась милая девчушка и вручила букет вытирающей слёзы маме Вадика, – а также особую благодарность мы хотим выразить педагогу Вадима, Вере Дмитриевне Дороховой. Спасибо Вам за Ваш бесценный труд, за тот эстетический вкус, который вы прививаете нашим детям, за те таланты, которые вы растите во славу нашего города, нашей России!

Раздался гром аплодисментов. Окончательно растроганная Вера Дмитриевна, принимая букет, всё время поправляла свои большие очки. Светлана Владимировна сделала паузу и объявила:

– В заключение нашего концерта я приглашаю на сцену Калину!

Что тут началось! Все как будто разом забыли, что надо соблюдать приличия, и начали аплодировать, кричать: «Скала-а! Давай!» Кто-то даже свистнул, но Светлана Владимировна вовремя привстала, и воцарилась полная тишина. Калина вышла на середину сцены и уже хотела начать своё выступление, но остановилась и произнесла:

– Один очень хороший человек сказал мне, что моё имя переводится как «добрый победитель». И вот я решила, что я больше не Скала. Я – Калина! И хочу оправдать своё имя своими поступками и делами. А эту песню я посвящаю этому человеку, нашему другу и учителю. Вам, Вера Дмитриевна!

Калина пела так, как умеют петь только те, у кого большое доброе сердце. Вера Дмитриевна слушала пение Калины и как будто слышала, что она хочет сказать: «Мы не обмельчаем, поверьте. Мы будем достойны своего великого города».